

СУДЬБА

Я сразу ее узнала, хотя она здорово изменилась. Рядом с метро, что находится у подножия Монмартра, стояла невысокая, несколько полноватая женщина в желтой выцветшей куртке. Сели в угловом кафе.

— Может быть, вы повесть хотите? — голос, как у сестры милосердия: не успокоится, пока не накормит.

Заказали кофе. Маргарита Володина — она из моего детства. Очень красивая артистка — точеное, будто фарфоровое лицо и маленькая пикантная родинка на правой щеке ближе к носу. Такой я видела ее на открытках "Актеры советского кино" и в фильмах, название которых уже не помню.

Почему она уехала? Куда исчезла? И как-то вдруг исчезла. Почему не снималась? Ведь актрисы ее поколения — Кириенко, Гурченко, Ларионова, Мordioкова, Семина и другие — еще на слуху, и каждая — со своей личной или рабочей жизнью. А она? Вопросов так много... И страх — а вдруг захметяса, закроется, и наша парижская встреча останется милым воспоминанием о кофе, выпитом у подножия Монмартра с бывшей звездой советского кинематографа. От внутренней суевы я не нахожу ничего лучшего, как сказать:

— Знаете, а я думала, что вас и в живых нет.

Улыбнулась. — Многие так считают. В 1993 году, кажется, я выступала на телевидении в программе у Мережко. И он тоже спрашивал, куда я подевалась. А ведь я жила в Москве и никуда не уезжала. Ну я и сказала, что живу скромно, колбасы своей мамочке, которая лучшей жизни ждала всю жизнь, не могу купить. На меня потом многие обиделись, решили, что цену себе набиваю. Артистка не может быть бедной — так они считали.

— А как вас называют французы здесь?

— Просто мадам Маргарита. Глаза у мадам Маргариты те же, что и на открытках сорокалетней давности, — небольшие с темно-голубой поволокой, точь в точь как у Марлен Дитрих, только не так глубоко посаженные под тонкими бровями.

Она рассказывает про школу-студию МХАТ, где считалась одной из перспективных студенток. И где ее лишили стипендии имени артиста Хмелева за то, что она во время каникул снялась в картине у режиссера Самсона Самсонова. И именно из-за него не попала в МХАТ.

— Во МХАТ меня не взяли, потому что я вышла замуж за Самсонова, а он из-за меня развелся со своей семьей. Вот и не приняли в театр, чтобы не было потом упреков. Ну послушайте, если бы у него была хорошая жизнь с той семьей (я, кстати говоря, не вытягивала его отсюда), разве бы он ушел?

В 2003 году трудно поверить в такое. Но одноклассники Володиной, которых я нашла в Москве, подтвердили, что мимо МХАТа она пролетела по "аморалке" — гордость российского театра в 50-е годы избегал подобных пятен на своем фасаде.

— Мне говорили все: "Ну вот видишь, какая ты глупая, выбирай — или театр, или твой Самсонов". Но я тогда была пылкой, я его полюбила. Мне казалось, что он такой талантливый и такой беспомощный по-человечески, что его нужно защищать.

Самсонов, каким бы он сильным или слабым ни казался, тем не менее сделал из Володиной кинозвезду, сняв в фильмах, которыми гордился ответственный кинематограф — "Огненные версты", "Арена", "Каждый вечер в одиннадцать". И, конечно же, "Оптимистическая трагедия".

— Съемки были очень тяжелые. Вы представляете — куртка кожаная, под ней гимнастерка, сапоги. А раз сапоги — значит, чулки, а раз чулки (колготок тогда не было), значит, надо было все на себя надеть... А температура такая... Жарища, мы ведь в песках снимали. Прикоснуться к песку невозможно, да еще грим на лице. Мы жили на крейсере, там было приятно. Кормили вкусно. Морьяки, которые у нас снимались, они почему-то меня называли: "Товарищ комиссар". Так и говорили: "Товарищ комиссар, ты пойдй к старшине, попроси...". Или жаловались мне. Ну я и шла, говорила, что же вы, мол, подраываете боевой авторитет, и просила.

— Кого из партнеров помните? — Андреев, вот это был человек! Он был очень смешной, очень трогательный и меня называл Кузнециком. Он говорил: "Я порой смотрю на нее и не знаю, может, она такая и есть?". То есть — как комиссар. Хотя характер у меня совсем не железный, но я очень удобно себя ощущала в этой роли. И меня никто не раздражал. Даже Олег Стриженов, а он очень сложный человек.

— А с Вячеславом Тихоновым как работали? Говорят, что он как раз очень сложный партнер?

— Вы знаете, может быть, он и сложный человек, но партнер — тактичный. Несчастный Тихонов был, потому что в финале ему пришлось меня таскать на руках. А я только после родов была, очень поправилась. И вот он меня тащит и приговаривает: "Сколько же еще дублей будет?" Правда, на экране ничего этого не видно. Надо отдать должное Самсонову — это был талантливый человек, но странный. Когда он делал какие-то глупости, а я пыталась ему что-то посоветовать, а он в ответ унижал меня.

— А он ревновал вас? Все-таки между вами двенадцать лет разницы.

— Да. Он меня ревновал, но я не давала никакого повода. Я ему говорила: "Ты не прав, я ведь даже глаз не подняла. Я видела, что ты рядом, и специально тебе показывала, что для всех закрыта". Но ты один раз их подняла, а в них уже столько было, что этого достаточно". Хотя Тихонов, например, мне очень нравился. Но, с одной стороны, рядом был Самсонов, который мне ничего не позволял. А с другой — я, знаете ли, очень закомплексованна. Многим казалось, что я, наоборот, вся такая — "ух!". Что все для себя, никого не пропущу мимо. Ничего подобного. Я очень закомплексованный, стеснительный человек.

В 1963 году именно с "Оптимистической трагедией" Маргарита Володина впервые при-

Маргарита Володина? Что-то я давно ее не видел.

Володина? Это комиссар? А разве она еще не...

Нет ничего удивительного в том, что звезду советского кинематографа 60-х годов забыли или даже похоронили. В какой-то момент она вдруг исчезла с горизонта, и это исчезновение даже не оставило линии падения.

На самом деле она никуда не исчезла. Маргарита Володина — легендарная женщина-комиссар из картины "Оптимистическая трагедия" — больше десяти лет живет в Париже. С журналистами не встречается, и свое первое и, возможно, последнее интервью она дала только обозревателю "МК".

"Оптимистическая трагедия".

"Три сестры".

Оптимистическая трагедия

ехала во Францию, в Канн. Фильм о Гражданской войне получил спецприз.

— Я после просмотра выхожу из зала счастливая — фильм принимали хорошо — и вижу: стоит председатель Госкино Баскаков. Красный такой, раздраженный. Увидел меня и грубо бросил: "За женскую роль нам премия не нужна". Можно подумать, что я как-то могла влиять на решение жюри.

И, несмотря на закусилую возню, Канн прибавил звезды Володиной. Картина про красивого комиссара, убиенного врагами революции, кочевала с фестивалей как высокохудожественный образец советской идеологии — в США, в Австралии, в Новой Зеландии на Неделях совино. Эффектная исполнительница главной роли, державшаяся всегда скромно, но с достоинством, не подозревала, что эти географические точки сыграют не лучшую и даже страшную роль в ее жизни.

— Оптимистическая трагедия принесла в жизни мне одни неприятности, — повторяет она и отпивает кофе из маленькой чашечки.

Я даже не знаю, что на это сказать.

— Извините, а где вы живете в Париже?

— Да здесь неподалеку. Извините, что не приглашаю. У нас квартира, студия. Да и квартирой ее не назовешь. Совсем крохотная. Мою квартиру на Старом Арбате продали знакомые, переслали деньги, но пересылка "сбыла" большой процент. Хорошо, что друзья из Новой Зеландии помогли.

— Почему вы оказались именно здесь, во Франции?

— Почему? Она удивлена.

— Потому что здесь моя дочь. Она раньше меня сюда приехала — вышла замуж. За француз. А мне уже было нечего терять в Москве. Разве что любовь публики. Но она же мне ничем помочь не могла.

Как же так вышло, что популярная, любимая актриса потеряла работу? Она? На которую, когда шла по коридорам "Мосфильма", все мужчины оглядывались. Ее ноги считались эталоном на студии и назывались "ножки Маргариты". Она была манящая, сексуальная, и столь редкое женское достоинство дополняла актерский талант. И тем не менее... Что за резкие и необъяснимые перемены?

— Я не могу вам объяснить так, чтобы вы поняли. Но "Оптимистическая трагедия" действительно принесла мне одни неприятности. Народ картину принял здорово. Все было в восторге от нее. И это породило среди актеров кино — не театра, я с ними не общалась, а всего кинематографического клана, — страшное раздражение. Меня никто не поздравлял, хотя я получала награды, грамоты. Я приходила в Театр киноактера. А там — особый артистический мир, очень сложный.

— В то время, насколько я помню, там работали Мordioкова, Хитяева, Смирнова, Ларионова, Семина...

ею своим детям, а он... Ей больно, горько было, она тогда закричала в телефон и бросила трубку. Все. Отца у нее по существу не стало.

Ну, в общем, жизнь, я вам должна сказать, не очень удавшаяся.

— Может быть, стоило попытаться вернуться в театр?

— Ну, к МХАТу близко не подходила. Там был Ефремов, а он уже снимался у Самсонова. Когда я пришла, он мне отказал, глаза прятал. А между прочим, я бы ничего плохого в театр не принесла — меня публика тогда принимала.

Тогда я пошла искать помощи в Комитете кинематографии, и туда ходила, и сюда. Ну а как они могли помочь? Они же не могли никого заставить снимать меня. А я сама не в состоянии была что-то организовать. Я актриса, могу только себя предложить. Короче, ничего не получала. Годы, годы, годы... Самые лучшие. Это был кошмар.

Я ходила и к режиссеру Станиславу Ростокскому. Пришла, расплакалась, и он расплакался, но не помог. Я просила его сделать "Марию Стюарт", я и сценарий написала. И он мне знает, что сказал: "Я к тебе хорошо отношусь, когда-то тебе очень симпатизировал, но что будет, если я запущусь с "Марией Стюарт"? Я ведь потеряю год, потому что вроде как на тебя буду работать". Ну что это был за ответ? Почему на меня? Это же его работа. Талантливый же человек. И так все. Но, правда, я не ко всем тогда обращалась.

Глядя на нее, теперь я верю в то, что раньше считала актерским преувеличением: не снимают — это как смертный приговор: был артист на экране, и нет. А почему не снимают — это уже никого не волнует.

Позже Володина все же снялась у режиссера Лукова в картине "Две жизни" и ушла с "Идеального мужа", где вместо нее миссис Чивили позже сыграет Людмила Гурченко. Но эти попытки не прибавили Володиной очков. А больше ей не снимали.

— Что-нибудь еще, мадам? — спросил кастрелазый шустрый официант. И не получив ответа, перекликился на соседний столик с немецкими туристами.

— А он знал, кто вы?

— Да, но он к этому относился спокойно... Просто стал меня вытягивать. Я была в ужасном виде. Вы понимаете, что такое синегнойная инфекция, которая разлагает тело? И вот он ночью с одной медсестрой переключал меня с постели на специальный стол и промывал меня лекарственными. И однажды он сказал: "Вы через неделю будете выписаны". И действительно, у меня стали затягиваться раны.

Потом мы с ним встретились. И у нас началось отношения. Какой это был человек! Миша мне дал столько счастья! Это была такая гармония! Такая красивая жизнь! А за год до этого в Болгарии на кинофестивале одна женщина мне гадала на кофе. "Какая вас ждет любовь!" — сказала она тогда. — Но вы к ней придете через мучения. И вы будете счастливы год". Я спрашиваю: "Как год, а потом чего?" Но она мне не сказала.

Мы только год были с ним, он умер от инфаркта у меня дома. Я около года плакала, так мне было тяжело. И вот видите, как люди все умеют переворачивать с ног на голову. Самсо-

новым. Из-за чего?

— Я не хочу об этом говорить. Просто так, наверное, не разведется. Я ведь ушла в никуда, у меня никого не было. Мы прожили 13 лет, я его очень любила, а потом я не могла больше с ним жить.

Тайна. Дальше иди будет больше.

— Неужели после развода Самсонов не мог вам профессионально помочь? Это как-то не по-людски.

— Я обращалась к нему. Он отказал мне.

— Так и сказал: нет?

— Нет, он сказал грубее, но отказал. Мало того, он не только мне отказал, но и дочери, которая к тому времени закончила театральное училище. Я просила его: "Помоги Мише". Но он... Слушайте, я не знаю, все отцы помогают

своим детям, а он... Ей больно, горько было, она тогда закричала в телефон и бросила трубку. Все. Отца у нее по существу не стало.

Ну, в общем, жизнь, я вам должна сказать, не очень удавшаяся.

— Может быть, стоило попытаться вернуться в театр?

— Ну, к МХАТу близко не подходила. Там был Ефремов, а он уже снимался у Самсонова. Когда я пришла, он мне отказал, глаза прятал. А между прочим, я бы ничего плохого в театр не принесла — меня публика тогда принимала.

Тогда я пошла искать помощи в Комитете кинематографии, и туда ходила, и сюда. Ну а как они могли помочь? Они же не могли никого заставить снимать меня. А я сама не в состоянии была что-то организовать. Я актриса, могу только себя предложить. Короче, ничего не получала. Годы, годы, годы... Самые лучшие. Это был кошмар.

Я ходила и к режиссеру Станиславу Ростокскому. Пришла, расплакалась, и он расплакался, но не помог. Я просила его сделать "Марию Стюарт", я и сценарий написала. И он мне знает, что сказал: "Я к тебе хорошо отношусь, когда-то тебе очень симпатизировал, но что будет, если я запущусь с "Марией Стюарт"? Я ведь потеряю год, потому что вроде как на тебя буду работать". Ну что это был за ответ? Почему на меня? Это же его работа. Талантливый же человек. И так все. Но, правда, я не ко всем тогда обращалась.

Глядя на нее, теперь я верю в то, что раньше считала актерским преувеличением: не снимают — это как смертный приговор: был артист на экране, и нет. А почему не снимают — это уже никого не волнует.

Позже Володина все же снялась у режиссера Лукова в картине "Две жизни" и ушла с "Идеального мужа", где вместо нее миссис Чивили позже сыграет Людмила Гурченко. Но эти попытки не прибавили Володиной очков. А больше ей не снимали.

— Что-нибудь еще, мадам? — спросил кастрелазый шустрый официант. И не получив ответа, перекликился на соседний столик с немецкими туристами.

— А он знал, кто вы?

— Да, но он к этому относился спокойно... Просто стал меня вытягивать. Я была в ужасном виде. Вы понимаете, что такое синегнойная инфекция, которая разлагает тело? И вот он ночью с одной медсестрой переключал меня с постели на специальный стол и промывал меня лекарственными. И однажды он сказал: "Вы через неделю будете выписаны". И действительно, у меня стали затягиваться раны.

Потом мы с ним встретились. И у нас началось отношения. Какой это был человек! Миша мне дал столько счастья! Это была такая гармония! Такая красивая жизнь! А за год до этого в Болгарии на кинофестивале одна женщина мне гадала на кофе. "Какая вас ждет любовь!" — сказала она тогда. — Но вы к ней придете через мучения. И вы будете счастливы год". Я спрашиваю: "Как год, а потом чего?" Но она мне не сказала.

Мы только год были с ним, он умер от инфаркта у меня дома. Я около года плакала, так мне было тяжело. И вот видите, как люди все умеют переворачивать с ног на голову. Самсо-

новым. Из-за чего?

— Я не хочу об этом говорить. Просто так, наверное, не разведется. Я ведь ушла в никуда, у меня никого не было. Мы прожили 13 лет, я его очень любила, а потом я не могла больше с ним жить.

Тайна. Дальше иди будет больше.

— Неужели после развода Самсонов не мог вам профессионально помочь? Это как-то не по-людски.

— Я обращалась к нему. Он отказал мне.

— Так и сказал: нет?

— Нет, он сказал грубее, но отказал. Мало того, он не только мне отказал, но и дочери, которая к тому времени закончила театральное училище. Я просила его: "Помоги Мише". Но он... Слушайте, я не знаю, все отцы помогают

Мадам Маргарита — уже из другой жизни — никакого налета артистизма, богомности, звездного прошлого. Как будто только что она вышла из автобуса, отошла от плиты или отдала ребенка, которого нянчила. А я с упорством все заворачиваю ее на тот мост, что соединяет настоящее с прошлым.

Через два часа она говорит, что как-то Олег Анофриев, который тоже служил в Театре киноактера, сообщил ей, будто бы группа артистов написала на нее бумагу в КГБ. Казалось бы, артистка — не диссидентка, и тем не менее ее жизнь не обошлась без вмешательства этой организации. А почему?

— Когда не было работы в кино, я в отчаяние написала письмо в Австралию одному эмигранту, который очень хорошо относился к нам, когда мы привозили "Оптимистическую трагедию". Он тогда мне купил шикарный кожаный костюм, а Самсонову — кожаную куртку. И вот я попросила его помочь мне. Причем я не просила ничего конкретного и ни на что не надеялась. И вот это письмо попало в КГБ, и началось.

А тут еще артисты подлили масла в огонь и сочинили письмо, как Володина спит и видит уехать из страны. Ее сосед по московскому дому рассказал мне, что в тот период Маргарита Володина была в чудовищном состоянии. Она находила в почтовом ящике письма с угрозами: "Убирайся из страны...", ей казалось, что за ней следят. Будь она в лучшем положении — в личной жизни, в профессии, она, возможно, не так остро реагировала бы на эти анонимки. Но в то время эти письма, звонки вызвали панику, Володина ждала участи знаменитой актрисы Зои Федоровой, убитой в собственной квартире неизвестными. И многие до сих пор уверены, что здесь не обошлось без КГБ.

Все-таки много странного и необъяснимого в этой жизни — "кормил" Володину в этот тяжелый для нее период образ комиссара в кожанке и фильм, который принес ей несчастье. "Оптимистическая трагедия". В этом был весь оптимизм и вся трагедия ее положения. Забывалась тем, что моталась по городам и весям с выступлениями от "Бюро пропаганды советского кино".

— Я с собой возила внучку, потому что дочь надо было освобождать. Но как меня принимали люди! Я возвращалась в Москву морально подмятая, с желанием жить. Я понимала, что могу на сцене держать внимание. И вот я выходила и, как родным людям, много очень рассказывала, показывала пленки. А какой у меня был костюм! Представьте, бьют барабаны, на экране — фрагменты из "Оптимистической трагедии", и выхожу я...

Только в этот момент я вижу, что в ней просыпается актриса — та самая Володина, чья сдержанная страсть делала ее неотразимой.

— Но за это же вообще койки платили. Поэтому я просила администраторов устраивать мне выступления больше. Я себя не жалела. Внучка сидела в зале. И однажды администратор сказал ей: "Как твоя бабушка прекрасно выступает!" А она ответила: "Мне уже эти выступления надоели". По существу она — мой ребенок и сейчас со мной живет, не с дочерью.

Среди русских в Париже говорят, что внучка Володиной — необыкновенная девочка. Ей 17 лет, она с отличием закончила лицей и единственная получила право на бесплатное обучение в хорошем колледже.

В личной жизни тоже было все непросто. Казалось бы, первая красавица советского кино, масса поклонников — а счастья нет. Ходили слухи, что бывший министр культуры Демичев к ней благоволил.

— Я знаю, многие считали, что я его любовница. Мне многие симпатизировали, но поверьте, не тем я с ними расплачивалась.

Охотно верю, иначе линия ее кинематографической судьбы неуклонно ползла бы вверх.

— Были ли вы замужем еще после Самсонова?

— Да, у меня была одна страшная встреча. Слушайте, я не знаю, сколько человек может влюбляться. Говорят: "Только один раз". Ничего подобного. Рань захивают, и все начинается по-новому. И я встретила человека, в котором увидела больше, чем было на самом деле. Мы с ним прожили 5 лет. И он оставил очень плохой след, потому что выяснилось, что он занимался финансовыми аферами, а моим именем как бы прикрывался. В конце концов он угодил в тюрьму.

А вот потом... вот это была встреча! Первый и последний раз — счастье в моей жизни. Еще живя в Москве, я загремела в больницу — во время операции мне занесли инфекцию, и я должна была умереть. Врачи не оставили мне надежды. И вдруг! Знаете, я верующая. Кто его прислал, этого человека, на помощь, я не знаю. Но ни с того ни с сего он появился в больнице. Врач, причём педиатр. Он увидел меня, стал брать ночные дежурства.

— А он знал, кто вы?

— Да, но он к этому относился спокойно... Просто стал меня вытягивать. Я была в ужасном виде. Вы понимаете, что такое синегнойная инфекция, которая разлагает тело? И вот он ночью с одной медсестрой переключал меня с постели на специальный стол и промывал меня лекарственными. И однажды он сказал: "Вы через неделю будете выписаны". И действительно, у меня стали затягиваться раны.

Потом мы с ним встретились. И у нас началось отношения. Какой это был человек! Миша мне дал столько счастья! Это была такая гармония! Такая красивая жизнь! А за год до этого в Болгарии на кинофестивале одна женщина мне гадала на кофе. "Какая вас ждет любовь!" — сказала она тогда. — Но вы к ней придете через мучения. И вы будете счастливы год". Я спрашиваю: "Как год, а потом чего?" Но она мне не сказала.

Мы только год были с ним, он умер от инфаркта у меня дома. Я около года плакала, так мне было тяжело. И вот видите, как люди все умеют переворачивать с ног на голову. Самсо-

новым. Из-за чего?

нова якобы я использовала и бросила. Второго я отправила в тюрьму, а я, между прочим, сел, когда мы разошлись. И Миша у чуть ли не убила. Ну это же кошмар!

— Вы пытались искать работу в Париже?

— Пыталась... Например, помочь кому-то освоить русский язык. Но это невозможно, потому что ведь надо говорить и по-французски. Так что это отпало. А что касается физического труда, я честно скажу — я не очень здорова. А потом я и так много работаю: и дочери я помогаю, и внучка со мной.

— Какой у вас здесь круг общения?

— Очень маленький. Есть одна французская семья, с Круглыми я дружу, очень часто у них бываю (актеры Леонид Круглый и Наталья Энке. — М.П.). Вот и все, пожалуй. У Саши Васильева была в гостях. Он здесь добился продолжения творческой жизни, у него это получилось. Он может ездить и в Россию.

— А вы с тех пор как уехали, не приезжали ли в Россию?

— Нет, а как я могу? У меня ни средств на это нет, и потом — ну что мне делать там? У меня там никого не осталось, кроме одной семьи, которая мне помогает. Я говорила, что они квартиру помогли продать. У меня много мамочки хороши, сейчас ходят к ней на могилку.

— Как ваш день складывается?

— Я хожу к Круглым, русские книги беру, много читаю. Пытаюсь все-таки французский в себя вводить.

— Хозяйством занимаетесь вы?

— Только я. Я даже дочери помогаю. Я готовлю. Приготовлю и беру ей (она за городом живет), потому что там пусто. Она рисует, картины интересные, но они пока не продаются. А муж у нее неэнергичный, ленивый...

— У вас французское гражданство?

— Нет, у меня советский паспорт. То есть российский. Трудная здесь, конечно, жизнь, но если без больших претензий — прожить можно. Во-первых, есть помощь в одежде, в еде. Официально вы можете получить документы и ходить за этой помощью. Еда хорошая. Кроме того, существует помощь денежная, так называемое реми — оно не очень высокое, но уже не умиряет. Понимаете? Как-то можно выкрутиться. Французы помогают, они не бросают. Еще мне русская церковь помогает. Вы не волнуйтесь, у меня есть деньги, закажите себе хотя бы десерт.

— Сколько времени нужно прожить во Франции, чтобы получить пенсию?

— Я живу уже 10 лет. Обещают вроде дать. И будет легче не столько мне, сколько моей дочери. Она пыгается, она сейчас пишет такие интересные полотна.

— Хочу спросить, а вот морально вас не давит, что в прошлом вы снимались в кино, были знаменитостью? А теперь ждете, когда получите французскую пенсию.

— Нет. Нисколько. Никому не завидую. Потому что когда человек завидует, то он страдает еще больше. Я не хочу никому ничего доказывать. И потом, у меня совесть чиста — я все сделала для того, чтобы защитить право свое на труд. Мне не дали. Ну а что теперь? В моем возрасте что я могу сейчас совершить такого, чтобы опять почувствовать себя на коне? Нет, ничего. А раз нет, то лучше и не надо ничего.

Но вы знаете, я не страдаю. Я абсолютно не страдаю. Я отношусь к этому спокойно. Жизнь прошла. Было счастье. Потом чернота.

— А сейчас?

— А сейчас никак. Я живу своей семьей и счастлива, что она у меня есть.

— Маргарита Владимировна, извините, хотела спросить: ваша родинка на правой щеке, которая на всех открытках, где она?

— Вот она, на месте. Просто раньше я ее подкрашивала.

— А сейчас никак. Я живу своей семьей и счастлива, что она у меня есть.

— Маргарита Владимировна, извините, хотела спросить: ваша родинка на правой щеке, которая на всех открытках, где она?

— Вот она, на месте. Просто раньше я ее подкрашивала.

— А сейчас никак. Я живу своей семьей и счастлива, что она у меня есть.

— Маргарита Владимировна, извините, хотела спросить: ваша родинка на правой щеке, которая на всех открытках, где она?

— Вот она, на месте. Просто раньше я ее подкрашивала.

— А сейчас никак. Я живу своей семьей и счастлива, что она у меня есть.

— Маргарита Владимировна, извините, хотела спросить: ваша родинка на правой щеке, которая на всех открытках, где она?

— Вот она, на месте. Просто раньше я ее подкрашивала.

— А сейчас никак. Я живу своей семьей и счастлива, что она у меня есть.

— Маргарита Владимировна, извините, хотела спросить: ваша родинка на правой щеке, которая на всех открытках, где она?

— Вот она, на месте. Просто раньше я ее подкрашивала.